

— На физфаке для парней с третьего курса велись занятия на военной кафедре по специальности радиолокация артиллерии, которые завершались двухмесячными лагерными сборами после окончания четвёртого курса с последующей сдачей экзамена и присвоением офицерского звания - младший лейтенант-инженер. Возглавлял военную кафедру (спецафедру, как она официально именовалась) генерал-майор артиллерии Кныш с протезом в серой перчатке вместо правой руки. Вид у него был вполне генеральский, предметов никаких он не вёл и обращался к студентам преимущественно по торжественным дням, вроде дня отправления на сборы.

— Преподаватели кафедры - старшие офицеры в чине от майора до полковника, все были в сущности люди неплохие, для военных чересчур даже либеральные (университетская атмосфера всё же, наверное, сказывалась), но для нас, студентов, большая их часть представлялась солдафонами, а уж преподаватель тактики Чечин - в особенности, и лишь немногим отдавалось должное за глубокое знание радиотехники и электроники.

— Критериями наших оценок преподавателей были: изложение и объяснение материала, умение отвечать на вопросы и культура речи. По этим показателям спектр преподавателей спецафедры был весьма богат, но в целом отношение студентов к спецафедре было сугубо отрицательным, несмотря даже на её радиотехническую ориентацию, в силу извечного антагонизма между студенческим вольнолюбием и армейской дисциплиной. А между тем основы радиотехники, электроники и радиолокации преподавались на спецафедре весьма основательно, уж если не по качеству изложения, то по объёму материала, по крайней мере. Несомненно полезными были и практические занятия по поиску и устранению неисправностей радиолокационной аппаратуры.

— О преподавателях спецафедры среди студентов ходила масса анекдотов по поводу, в основном, их грамотности и умственных способностей. В большинстве своём это были старинные анекдоты, но в приложении к конкретным личностям они звучали очень актуально и ужасно нас веселили. Вот, например:

— Студент спрашивает у Чечина:

— - Борис Петрович, сколько пирожков Вы натошак съесть можете?

— - Ну, штук семь.

— - Неправда, натошак только один съесть можно, остальные уже не натошак будут.

— Понравилась шутка Чечину и решил он своего приятеля майора Капуна подловить. Задаёт ему тот же вопрос, а Капун отвечает:

— - Ну, штук шесть.

— - Эх, - огорчился Чечин. - Сказал бы ты - семь, я бы тебя подкузьмил!

— Однако, попав на лагерных сборах под начало гарнизонных офицеров, мы во всей полноте почувствовали разницу между кадровыми строевиками и офицерами спецафедры, которые оказались сущими ангелами, включая Чечина, на фоне первых.

— Сборы наши проходили в живописнейшем местечке Сапёрное Приозерского района Ленинградской области, на Карельском перешейке, недалеко от реки Вуоксы. Гарнизон располагался в сосновом бору на берегах красивого озера, но этим все приятные впечатления и исчерпывались. Нам предстояло два месяца отслужить солдатами, вкусить, что называется, армейской жизни во всей её красе, прежде чем получить младший офицерский чин. По рассказам предшественников такие сборы обычно были далеки всё же от настоящей армейской службы. Командовали студентами их же преподаватели со спецафедры, строгость была, конечно, не та. Однако наши сборы отличались от предыдущих.

— Весь наш курс разбили на три батареи, каждой из которых командовал офицер местного гарнизона, все в капитанском чине. Батареи делились на два взвода, командирами которых назначили наших же сокурсников, прошедших до поступления в

университет срочную службу и имевших хотя бы сержантские лычки (были среди нас и младшие лейтенанты запаса). Поселили нас в деревянных казармах, каждая батарея занимала одну комнату, где на двухэтажных кроватях одновременно спало человек по сорок - пятьдесят. Выдали нам солдатское обмундирование и начали с нами заниматься строевой подготовкой и изучением уставов, готовя к принятию присяги.



Будущие офицеры запаса. В очках - я и Мишка Крыжановский.
Сапёрное, июль 1965 г.

Командиром нашей, третьей батареи был капитан Мухин, молодой краснощёкий мордovorот, носивший фуражку так, что козырёк чуть ли не упирался в его слегка вздёрнутый нос. Капитан Мухин был строг, разговаривал с нами, точнее, командовал всегда с презрительными интонациями, наряды вне очереди раздавал налево и направо, шагистикой с нами занимался рьяно, а за стёртые ноги наказывал опять же нарядами, добиваясь тем самым умелого наматывания портянок.

Сапоги нам выдали "б.у.", т.е. бывшие в употреблении, заскорузлые до совершенно несминаемой степени, и мучений они нам доставляли достаточно. Через неделю,

однако, ноги к ним попривыкли, правда, несколько пострадавших пришлось отправить в санчасть, и среди них оказался один из служивших.

— Бытом нашим распорядился старшина роты, сверхсрочник лет пятидесяти, вредный и крикливый мужик, любивший нас так же, как и мы его.

— Речи наших командиров сплошь состояли из таких оборотов, что хоть стой, хоть падай. Наиболее яркие из них я стал записывать в записную книжку, которую всюду таскал с собой, и впоследствии мы с хохотом перечитывали её. Тогда же, в лагерях, было не до смеха, особенно в строю, и мы лишь шушукались между собой по поводу этих бесподобных образцов красноречия. Сейчас по памяти трудно их восстановить, а книжка куда-то затерялась...

— Капитан Мухин любил отдать команду "Ложись!" в таком месте, где грязи было побольше, приговаривая при этом: "Грязь - не сало, потёр и отстало". Действительно, где мы только не валялись, а солдатские штаны и гимнастёрка всё выдерживали, не мялись и не шибко пачкались. Это не относилось, правда, к кухонной одежде, в которую мы переодевались при нарядах на кухню, - те же штаны и гимнастёрка, только страшно засаленные и вонючие.

— Пища на кухне готовилась в огромных чанах, из которых разливалась и раскладывалась по кастрюлям, а в те же чаны сгребали объедки из тарелок и со столов, и часто можно было слышать крики повара: "Выносите живее помои, а то макароны не в чем варить!" Меню наше было однообразным: картофельный суп, в котором плавали куски сала, и перловая каша или макароны с хеком на второе, чай с сахаром на третье. Жрать мы хотели всё время и сметали за столом всё без разбору, набивая ещё помимо того карманы чёрными сухарями, которые сушились для самодельного кваса.

— Как-то мы чистили на кухне гнилую картошку, и кто-то из нас заметил, что как ни медленно идёт время, особенно здесь в казармах, каждому из нас уже за двадцать, и, следовательно, треть жизни уже прожита...

— А время на сборах тянулось действительно страшно медленно, и мы следующим образом провожали каждый прошедший день. После отбоя, когда все уже лежали в кроватях, кто-то один торжественно объявлял: "Третий (или такой-то там) день службы прошёл!" И вся казарма дружным хором возглашала: "Ну и хрен с ним!", за что нам всякий раз доставалось от старшины, если он случайно оказывался поблизости, но процедура эта ни разу нарушена не была.

— В строевых маршах мы почти всегда пели и часто хулиганские песни. На слова песен Мухин особого внимания не обращал: лишь бы пели громко, бодро и дружно, а главное, четко держали шаг и равняли ряды. В день принятия присяги мы маршировали по плацу, распевая "Марш левой, цвай, драй", и Мухин был нами очень доволен. Вообще же репертуар наш был очень разнообразен, чему способствовали большие расстояния, которые мы преодолевали в пешем строю. С наибольшим же энтузиазмом пели на мотив "Прощания славянки" физфаковское:

_____Отгремела весенняя сессия,
_____Нам с тобой расставаться пора.
_____Что ж ты, милая, смотришь невесело,
_____Провожая меня в лагеря?
_____Не плачь, не горюй,
_____Напрасно слёз не лей,
_____Лишь крепче поцелуй, ать-два,
_____Когда вернусь из лагерей!
_____Лица дышат здоровьем и бодростью,
_____Под ногами звенит полигон.
_____И мы носим с законною гордостью
_____Славу наших солдатских погон.

_____Прощай, любимый край!
_____Труба зовёт в поход.
_____Смотри, не забывай, ать-два,
_____Артиллерийский первый взвод!
_____И не зря изучали мы тактику,
_____Может, завтра в суровом бою
_____Вспомним нашу солдатскую практику
_____И военную службу свою.
_____Прощай, любимый край! ...

— До принятия присяги мы со своими преподавателями даже не встречались, занятий по нашей прямой военной специальности не было, только строевая подготовка, марш-броски, сборка-разборка автомата Калашникова, стрельба из автомата и пистолета на полигоне (где я, кстати, преуспевал благодаря своим школьным ещё занятиям пулевой стрельбой), чистка оружия, наряды (по кухне, в казарме, в карауле), стирка и пришивание воротничков, чистка пуговиц, бляхи ремня и сапог, по выходным - работа в совхозе. Свободного времени и часа в день не набегало.

— Этот период, длившийся недели три, был наиболее трудным как в физическом, так и особенно в моральном отношении. Бессмысленность нашего времяпровождения, бесцеремонность командиров, потёртости на ногах, жара действовали угнетающе, и не всегда хватало чувства юмора переносить всё это спокойно, без раздражения. К счастью, нытиков среди нас почти не было, но случались срывы, попытки препирательства с командирами, что каралось без промедления и нещадно. Даже и совсем тихие, беспрекословные ребята умудрялись по пустякам зарабатывать наряды вне очереди, а отчаянные грубияны отправлялись под арест - "на губу", что на всех предыдущих сборах рассматривалось как ЧП, а у нас было обычным делом.

— Когда же, наконец, нас привели к присяге и начались занятия с радиолокационной техникой, стало полегче. Радиолокационные станции развёртывались обычно на буграх за посёлком, вдали от гарнизона и от начальства, и там мы блаженствовали. Пока небольшая часть из нас сидела в машинах, крутила ручки, искала цель, остальные, дожидаясь своей очереди, валялись на травке, курили, сушили портянки, загорали, трепались...

— Как-то я был послан в штаб готовить карты для занятий по тактике и попал к Чечину. До чего же милым и интеллигентным показался мне здесь тот, которого в Ленинграде я считал тупым солдафоном. Поистине, всё познаётся в сравнении.

([продолжение следует](#))